

Оригинальная статья

УДК 81'25'42

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179

«Энциклопедия русской жизни» на португальском языке:
лингвокультурная адаптация на лексическом уровне

В.А. Данилова

*Московский городской педагогический университет
(Российская Федерация, г. Москва)
ORCID ID: 0000-0002-8981-6684;
e-mail: vasilisa.danilovatpp@mail.ru*

И.В. Тивьяева

*Московский городской педагогический университет
(Российская Федерация, г. Москва)
ORCID ID: 0000-0002-6316-784X;
Researcher ID: H-9075-2017;
Scopus Author ID: 57103732800;
e-mail: tivyaeva@yandex.ru*

Получена: 26.10.2020

/Принята: 16.11.2020

/Опубликована онлайн: 25.12.2020

Резюме: В статье рассматриваются вопросы трансляции русского культурного кода средствами лексической подсистемы португальского языка в переводах романов «Евгений Онегин», выполненных бразильскими переводчиками Дариу Морейра Кастро Алвесом (2008) и Алипиу Коррейру де Франка Нету в соавторстве с Еленой Васиной (2019). В частности, анализируются способы перевода на португальский язык русских реалий – национально окрашенных лексических единиц, выступающих носителями русского культурного кода. Цель исследования состоит в выявлении своеобразия отражения русских реалий в зеркале португальской культуры и определении ключевых факторов, детерминирующих выбор стратегии перевода авторами каждой из португальских версий «энциклопедии русской жизни». Поскольку переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык появились относительно недавно, их изучение в сравнительно-сопоставительной перспективе представляется своевременным и актуальным в контексте межкультурной русско-бразильской коммуникации. Для целей исследования был составлен авторский корпус параллельных текстов, в который вошли релевантные фрагменты, содержащие культурно маркированные лексические единицы. В ходе работы был использован комплекс методов, направленных на поэтапное сопоставление и анализ русских реалий и их соответствий в двух португальских переводах. Полученные результаты позволяют заключить, что авторы рассматриваемых переводов используют различные способы передачи русских реалий, а в некоторых случаях следуют диаметрально противоположным стратегиям перевода. В каждой из переводных версий «Евгения Онегина» были отмечены неудачные переводческие решения, связанные с передачей национально окрашенной русской лексики. Подобные лингвокультурные несоответствия могут стать препятствием к корректной интерпретации шедевра русской литературы бразильскими читателями.

Ключевые слова: реалии, межкультурная коммуникация, художественный перевод, стратегии перевода, форенизация, доместикация, португальский язык.

Для цитирования: Данилова В.А., Тивьяева И.В. «Энциклопедия русской жизни» на португальском языке: лингвокультурная адаптация на лексическом уровне. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №4. С. 169–179.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-169-179

**“Encyclopedia of Russian Life” in Portuguese:
Linguocultural Adaptation on Lexical Level**

Vasilisa A. Danilova

*Moscow City University
(Russian Federation, Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-8981-6684;
e-mail: vasilisa.danilovatpp@mail.ru*

Irina V. Tivyaeva

*Moscow City University
(Russian Federation, Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-6316-784X;
Researcher ID: H-9075-2017;
Scopus Author ID: 57103732800; e-mail: tivyaeva@yandex.ru*

Received: 26.10.2020

/Accepted: 16.11.2020

/Published online: 25.12.2020

Abstract: The paper focuses on lexical means of representing Russian cultural code in Portuguese translations of A.S. Pushkin’s renowned novel “Eugene Onegin” authored by Dário Moreira de Castro Alves (2008) and Alípio Correia de Franca Neto and Elena Vássina (2019). Specifically, the study examines techniques used by the translators to render culturally marked Russian words into Portuguese. The objective of the study was to determine how Russian realia expressing national cultural practices are reflected in the mirror of the Portuguese linguistic community culture and identify relevant factors affecting translation choices in both versions of the novel. As Portuguese translations of “Eugene Onegin” are relatively new to the global cultural landscape, they become a legitimate interest as an object of comparative analysis in the context of Russian-Brazilian intercultural communication. To conduct the investigation, a parallel Russian-Portuguese corpus was compiled that included fragments containing culturally marked words. The research procedure relied on a set of methods developed for a step-by-step comparative analysis of Russian realia and their Portuguese equivalents registered in the parallel corpus compiled by the authors. The findings suggest that the translators approach the problem of rendering Russian realia from different angles, occasionally displaying antipodal decisions regarding translation strategies. Both versions are not devoid of culturally inappropriate choices of equivalents, which may become an obstacle to adequate perception of the Russian novel by Brazilian readers.

Keywords: realia, intercultural communication, literary translation, translation strategies, foreignization, domestication, Portuguese.

For citation: Danilova V.A., Tivyaeva I.V. “Encyclopedia of Russian Life” in Portuguese: Linguocultural Adaptation on Lexical Level. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 4, pp. 169–179 (In Russ.).

Введение

Художественный перевод считается особым видом переводческой деятельности, не поддающейся «формализации и обучению в полной мере» [1: 11], но требующей при этом высочайшего мастерства, профессионализма и самоотдачи исполнителя. На создание эстетически и культурно эквивалентного текста, достигшего «художественной высоты», порой уходят долгие годы кропотливого труда и творческого поиска. Недаром переводчики художественной литературы всегда занимали первые позиции в негласной переводческой иерархии.

В современных концепциях, описывающих процесс перевода, создание переводного текста рассматривается не как процедура механической замены знаков одного языка знаками другого, но как акт межкультурной коммуникации, участниками которого становятся носители двух культур. А.П. Склизкова отмечает, что «текст, подлежащий переводу, предстает в новом свете, подвергается определенному истолкованию в системе иной культуры» [2: 30]. Такое видение процесса создания нового «продукта» на языке перевода при анализе профессиональной деятельности языкового посредника ставит во главу угла факторы не столько лингвистические, сколько этнопсихологические и национально-культурные [3: 49].

Появление переводного художественного произведения масштаба «Евгения Онегина», избранного объектом исследовательского внимания в данной работе, всегда значимое *лингвокультурное* событие, имеющее важность как для культуры-донора, так и для культуры-реципиента, обогащающее национальные и мировую литературы. Ю.Л. Оболенская отмечает, что цель художественного перевода заключается в реализации полноценной коммуникации между различными культурами с помощью эстетической интерпретации оригинального художественного текста средствами другого языка [4: 32]. По мнению Е.Э. Разлоговой, «любой перевод по современным представлениям является интерпретацией, которая может быть неточной или и вовсе ошибочной» [5: 53]. Эстетическая интерпретация оригинала подразумевает восприятие и осмысление переводчиком исходного художественного текста с целью его последующего воссоздания в новой языковой форме, обусловленной языковой картиной мира культуры-реципиента.

Перевод художественного текста, который отличается ярко выраженной лингвокультурной спецификой, ставит перед переводчиком особые задачи [6: 264]. На переводчика в данном процессе возлагается особая ответственность. Его функции не сводятся к доступной и эстетически приемлемой передаче содержания оригинала на языке перевода. Переводчик художественной литературы наряду с художественным содержанием и стилистическим своеобразием оригинального текста транслирует реципиентам культурный код первоисточника, формирующийся под воздействием целого комплекса факторов, среди которых этнопсихологический, пространственно-временной, социально-исторический и др.

Культурно-историческая память, оставаясь конструктом абстрактным, тем не менее получает вполне материальное воплощение в знаках языка, который в рамках реализации кумулятивной функции фиксирует происходящие в жизни общества изменения и служит хранилищем культурно-специфической информации. Согласно Т.В. Старцевой, лингвокультурный компонент может выражаться имплицитно, как скрытый смысл языковых структур, или же эксплицитно — посредством лексем — номинантов явлений культуры [7: 599]. Языковой подсистемой, ответственной за фиксацию и архивирование культурно релевантной информации, является лексический строй. Лексическая организация художественного оригинала требует особого внимания переводчика, который должен считаться не только с содержательной составляющей, но и с завуалированными контекстами, тончайшими стилистическими оттенками и имплицитными интонациями, открывающимися только при вдумчивом прочтении и истолковании. «Евгений Онегин» в этом отношении наисложнейший вызов даже для современных носителей русского языка. Лексическое полотно великого романа сплетено из стилистически маркированных единиц, скрытых цитат, экзотизмов, передача которых при переложении романа на другие языки требует высочайшего мастерства переводчика.

В настоящей работе фокус авторского внимания сосредоточен вокруг специфических культурно маркированных лексических единиц, которыми изобилует пушкинский шедевр, и для обозначения которых в переводоведческих исследованиях с середины прошлого столетия используется термин *реалия*, закрепившийся в научном обиходе после выхода в свет известной работы С. Влахова и С. Флорина [8].

Язык и стиль А.С. Пушкина в переводческой перспективе – тема далеко не новая для литературоведения, лингвистики и теории перевода. Тем не менее, исследовательский интерес к ней не только не угасает со временем, но и продолжает возрастать с появлением новых переложений пушкинских сочинений на языки мира. Так, по данным информационного портала фонда «Русский мир» только за последнее десятилетие увидели свет первые или новые переводы «Евгения Онегина» на французский, аварский, каталонский и португальский языки [9].

Примечательно, что португалоязычные читатели впервые имели возможность приобщиться к пушкинскому творению на родном языке в 2008 году, когда вышел первый перевод «Евгения Онегина» за

авторством Дариу Морейра Кастро Алвеса, и немногим более десятилетия спустя, в год 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина увидел свет второй перевод романа на португальский язык, выполненный Еленой Васиной и Алипиу Коррейру де Франка Нету. Столь незначительный временной разрыв объясняется, с одной стороны, возрастающим интересом бразильцев к русскому языку, русскому миру и русской культуре, и, с другой, стремлением авторов второго перевода воплотить элементы культурного кода, опущенные в первой португальской версии. Данное обстоятельство служит основанием для сопоставительного изучения стратегий передачи культурно маркированных единиц в переводах «Евгения Онегина» на португальский язык.

Цель статьи

Целью настоящей работы является сопоставительный анализ переводческих стратегий, обеспечивающих трансляцию русского культурного кода в португальских переводах «Евгения Онегина» посредством ресурсов лексической подсистемы португальского языка. Языковое и стилистическое своеобразие «энциклопедии русской жизни» проявляется в первую очередь на лексическом уровне, в том числе, в реалиях как носителях культурно релевантной информации, поэтому многочисленные обращения исследователей, изучающих иноязычные версии «Евгения Онегина» с позиций теории и практики перевода, именно к данному типу лексических единиц вполне оправданно и закономерно. В данной работе специфика перевода национально окрашенной лексики рассматривается на новом материале с привлечением новейших лексикографических данных.

Обзор литературы

Значимость лингвокультурной составляющей в переводе признается как отечественными, так и зарубежными теоретиками и практиками перевода. Особое звучание проблема лингвокультурной адаптации оригинала приобретает в художественном переводе, когда текст художественного произведения выступает носителем разных типов информации, включая идейно-художественную, эстетическую и культурную. В рамках обсуждения роли культурного контекста в переводе выдвигается тезис о «культурологической непереводаемости» [10: 47], то есть о невозможности передачи культурного кода оригинала знаками другого языка. Концепция «культурологической непереводаемости» стала теоретическим обоснованием представлений о принципиальной непереводаемости произведений того или иного писателя на иностранный язык. Например, в специальной литературе озвучивались предположения о невозможности перевода на иностранные языки произведений Н.В. Гоголя, впоследствии успешно опровергнутые практикой.

«Культурный поворот» в гуманитаристике конца XX века, изменивший представления о социокультурных ценностях [11], вывел культурологическую проблематику перевода в число центральных вопросов современного переводоведения. Перевод стал пониматься не только как «переход из одного языка в другой, но и из одной культуры в другую» [12: 256]. Результатом данного процесса становится транспозиция текста оригинала «в другую культурную систему» [4: 38].

Маркером культурной принадлежности текста выступают в первую очередь реалии, то есть культурно-специфические лексические единицы, создающие яркий национальный колорит и, как правило, не имеющие эквивалента в языке перевода, что возможно объяснить отсутствием в принимающей культуре денотата, связанного с соответствующим понятием.

Отметим, что несмотря на то, что термин «реалия» относительно давно используется в переводоведческих исследованиях, на настоящий момент не существует его общепринятой дефиниции. Трудности определения реалии А.А. Кретов и Н.А. Фененко связывают с рядом факторов, среди которых можно отметить экстраполяцию данного термина в теорию перевода из других наук, его употребление для номинации как объекта окружающей действительности, так и репрезентирующей его лексической единицы, а также существование близких по значению терминов, обозначающих различные типы безэквивалентной лексики [13: 10].

Впервые комплексная переводоведческая теория реалии была представлена в работах болгарских исследователей С.И. Влахова и С.П. Флорина, которые определяют данный термин как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [8: 115]. Ученые отмечают, что как носители национального или исторического колорита, реалии, «как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [8: 116]. В настоящей работе данное определение принимается за основу и используется

в качестве идентифицирующего критерия при составлении рабочего корпуса русских реалий в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Для переводчика реалии представляет особую сложность, поскольку как культурно-маркированные единицы они обозначают предметы (явления), характерные для определенной языковой и культурной общности и отсутствующие в других. Переводоведение причисляет реалии к «непереводимым» единицам языка, то есть к лексическим единицам, которые не передаются на другой язык в словарном порядке [14: 43]. Тем не менее в фундаментальных работах по теории перевода отечественных и зарубежных исследователей обсуждаются принципы ретрансляции реалий в процессе перевода, способы и приемы их передачи в зависимости от жанрово-стилистической специфики оригинала. В классических и современных работах по теории перевода выделяются следующие способы передачи реалий: 1) корреляция: транскрипция и транслитерация — заимствования, которые воспроизводят в переводящем языке форму или произношение реалии; 2) гипо-гиперонимический перевод — родо-видовые замены; 3) уподобление — поиск функционального аналога; 4) перифрастический — описательный, дескриптивный, экспликативный перевод; 5) калькирование — буквальный перевод; 6) опущение [15: 123; 16: 65; 17].

Важно отметить, что выбор того или иного способа перевода реалий зависит от многих факторов, среди которых особенности исходного языка и языка перевода, цель и задачи переводчика, а также общая переводческая стратегия, выбранная для реализации поставленных задач. Основной трудностью при осуществлении перевода, характеризующегося максимальной степенью эквивалентности, является поиск соответствий между элементами двух языков, выбор которых обусловливается переводческой стратегией [18: 169]. Под адаптационным переводом, или доместикацией, понимается стратегия перевода, предполагающая при переводе реалий опираться на сходные денотаты принимающей культуры. Такой подход позволяет сделать переводной текст более понятным и доступным для реципиента. При отчуждающем переводе, или форенизации, переводчик ориентирован на сохранение инокультурных элементов в тексте перевода [19: 21].

Методы исследования

В настоящей работе рассматриваются стратегии лингвокультурной адаптации национально окрашенной лексики в португальских переводах «Евгения Онегина». Материал исследования составили два перевода романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык. Первый перевод, датированный 2008 годом, принадлежит Дариу Морейра де Кастро Алвесу, известному бразильскому литератору и дипломату. Второй перевод, вышедший в бразильском издательстве Ateli Editorial в 2019 году, выполнен Еленой Васиной в соавторстве с поэтом Алипиу Корейру де Франка Нету.

В ходе работы применялся комплекс методов, адекватных задачам каждого из этапов исследования. Изучение стратегий, способов и приемов передачи русских реалий на португальский язык в переводах романа «Евгений Онегин» осуществлялось поэтапно.

На этапе проектирования исследования был составлен параллельный переводческий корпус, в который вошли фрагменты из «Евгения Онегина» на языке оригинала, содержащие реалии, и соответствующие им фрагменты из двух португальских переводов. При включении фрагмента в корпус вопрос о статусе лексической единицы (то есть о принадлежности ее именно к реалиям, а не к локализмам, диалектизмам, варваризмам, экзотизмам, бытовым словам и т.п.) решался в соответствии с концепцией С.В. Влахова и С.П. Флорина, и за основу принимались следующие базовые критерии:

слово обозначает объект, характерный для русской культуры или быта и чуждый культуре португалоязычных стран;

слово является носителем русского национального или исторического колорита;

слово не имеет эквивалентов в португальском языке.

Второй этап исследования предполагал классификацию и последующую систематизацию русских реалий, включенных в параллельный корпус. При распределении зарегистрированных в корпусе реалий по классам мы опирались на известную классификацию В.С. Виноградова [16: 49], в основу которой положен семантический признак.

На следующем этапе проводился сопоставительный анализ переводческих решений при передаче русских реалий средствами португальского языка.

Заключительный этап позволил выделить ряд факторов, детерминирующих выбор стратегии перевода реалий на португальский язык, а также выявить индивидуальные особенности творческого стиля авторов переводных версий «Евгения Онегина».

Результаты и дискуссия

Результаты, полученные в ходе сравнительного анализа данных авторского параллельного корпуса, позволяют выявить ряд закономерностей в выборе способов передачи русских реалий в португальских переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Во-первых, в обоих анализируемых переводах единообразно передаются реалии, обозначающие русские *национальные блюда и напитки*, которые отсутствуют в практическом опыте носителей португальского языка: *квас* — *kvas*, *щи* — *shchi*.

Оригинал	Перевод Д. Алвеса	Перевод А. Нету и Е. Васиной
Им <i>квас</i> как воздух был потребен, Да <i>щей</i> горшок, да сам большой	E o dispensável <i>kvas</i> chegando Tambem comer <i>shchi</i> , alias	O <i>Kvas</i> lhes era como o ceu, Coma <i>shchi</i> e seja saudável

Стремясь подчеркнуть и сохранить национальный колорит данных слов, переводчики используют корреляцию и подстрочный комментарий, разъясняющий значения слов для португалоязычного читателя. В данном случае корреляция позволяет сохранить национально-культурную специфику лексем оригинала и подчеркнуть их «чужеродность» по отношению к бразильской культуре.

При помощи корреляции также передаются реалии, обозначающие традиционные для русской культуры *музыкальные инструменты и танцы*.

Оригинал	Перевод Д. Алвеса	Перевод А. Нету и Е. Васиной
Теперь мила мне <i>балалайка</i> Да пьяный топот <i>трепака</i>	A <i>balalaica</i> me apaixonou E do <i>trepak</i> ébrio patear	Agora amo a <i>balalaica</i> Sim, a estampa do <i>trepak</i>

При корреляции реалий *балалайка* и *трепак* сохраняется не только план содержания, но и план выражения лексических единиц. Поясняющие комментарии переводчика помогают читателю перевода понять предметное значение русских реалий, что, однако, не касается всего многообразия ассоциаций и коннотаций, которые закреплены за этими словами в русском языке и практически не передаются в переводе.

Отметим, что некоторые примеры перевода реалий данного типа демонстрируют различия стратегий передачи культурно значимой информации в двух версиях португальского «Евгения Онегина». В качестве такого примера рассмотрим способы передачи русской реалии *хоровод*.

Оригинал	Перевод Д. Алвеса	Перевод А. Нету и Е. Васиной
Заманите молодца К <i>хороводу</i> нашему.	Buscai, trazei-nos um jovem Aqui p'ra nossa <i>ciranda</i> .	Tragam com sua mágica Certo moço ao <i>horovod</i> .

В переводе Дариу Алвеса лексеме *хоровод* соответствует португальский аналог *ciranda*, который обозначает народный бразильский танец и обладает ярко выраженным национально-культурным содержанием. Выбирая данный вариант, переводчик заменяет русскую реалию бразильской, тем самым полностью нейтрализуя русский национальный колорит.

Алипио Нету и Елена Васина следуют противоположной стратегии, стремясь сохранить национально-культурную специфику реалии. В их переводе лексема *хоровод* передается посредством транскрипции — *horovod* и поясняется с помощью переводческого комментария в сносках.

Рассмотрение способов перевода реалий, обозначающих *русские праздники*, позволяет выявить характерные различия русской и бразильской культур, объясняющие иное понимание культурно значимой информации носителями португальского языка.

Например, авторы обеих версий португальского «Евгения Онегина» прибегают к одному и тому же способу передачи на португальский язык реалии, обозначающей православный праздник: *Троицын день* — *Trindade*.

Оригинал	Перевод Д. Алвеса	Перевод А. Нету и Е. Васиной
В день <i>Троицын</i> , когда народ, Зевая, слушает молебен,	E na <i>Trindade</i> , em procissão, Te-déum seguiam, mesmo oscitando	E na <i>Trindade</i> , se alguém vinha A dar bocejos no Te-déum,

В данном случае приводится португальский аналог русской лексемы, который хорошо знаком реципиенту перевода, но, тем не менее, понимается носителями португальского языка иначе. Согласно традиции католической церкви, к которой относятся представители культуры Бразилии, Троицей называется первое воскресенье после Пятидесятницы, в то время как в православной традиции празднование Пятидесятницы и дня Святой Троицы совмещено.

Иной подход обнаруживается при сопоставлении переводов лексемы *Масленица*.

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод А. Нету и Е. Васиной</i>
У них на <i>масленице</i> жирной Водились русские блины;	No <i>carnaval</i> eram de agrado Os blinis russos, sem iguais	Assim nos dias da <i>Quaresma</i> Os Blinis russos habituais;

В переводе Дариу Алвеса представлен португальский аналог *carnaval*, который, однако, обозначает не только праздник перед Великим постом, но и любое красочное шествие, празднование в Бразилии. Отметим, что лексема *carnaval* является культурно маркированной единицей в бразильском варианте португальского языка. Использование данной бразильской реалии в качестве функционального аналога слову *Масленица* позволяет адаптировать текст перевода для читателя-носителя португальского языка, однако полностью нейтрализует русский национальный колорит. Это случай так называемой «перенационализации» [20: 76], то есть подбор аналогов, обладающих ярким колоритом культуры носителей языка перевода, либо третьей культуры.

В переводе Алипио Нету и Елены Васиной лексеме *Масленица* соответствует португальский функциональный аналог *Quaresma* — «Великий Пост». Семантическая неточность перевода русской лексемы очевидна, что в данном случае компенсируется за счет поясняющего комментария переводчиков в приложении.

Также при переводе реалий рассматриваемого типа обнаруживается тенденция к использованию опущения в качестве приема передачи реалий, состоящих из двух слов (определение + существительное), например: *круглые качели, подблюдны песни*.

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод А. Нету и Е. Васиной</i>
Любили <i>круглые качели, подблюдны песни</i>	<i>Corais, balanço</i> , os entretiam	<i>Carrosséis</i> eram adorados, Um horovod, uma <i>adivinha</i> ;

Несмотря на то, что авторы выбирают разные португальские лексемы в качестве соответствий русским реалиям, в обоих случаях переводчики опускают определения *круглые* и *подблюдны*, хотя именно они придают обозначению предметов, распространенных во многих культурах, русский национальный колорит.

В переводе Дариу Алвеса реалии *круглые качели* соответствует слово *balanço* — «качели», которое является родовым по отношению к русской лексеме, обозначающей определенный вид качелей, распространенный в России в XIX веке. Используя в качестве эквивалента гипоним, переводчик передает общее лексическое значение реалии, что, однако, ведет к утрате ее частного значения и нейтрализации национально-культурной специфики.

В то же время Алипио Нету и Елена Васина приводят в качестве эквивалента реалии *круглые качели* португальский функциональный аналог *carrossel* — «карусель», тем самым облегчая понимание текста португалоязычному читателю за счет нейтрализации русского национально-культурного колорита.

При переводе реалии *подблюдны песни* авторы обоих переводов стремятся адаптировать лексему, сделав ее значение более понятным читателю перевода за счет опущения определяющего прилагательного, однако выбирают разные способы ее передачи на португальский язык. Дариу Алвес передает значение русской реалии с помощью гипонима *corais* — «песни», который является родовым по отношению к русской лексеме, поскольку *подблюдны песни* представляют собой особый вид песен, исполняющихся в святки, чтобы узнать свое будущее. Таким образом, переводчик устраняет национально-культурную специфику лексемы и ее частное значение. Алипио Нету и Елена Васина используют в качестве эквивалента реалии *подблюдны песни* функциональный аналог *adivinha* — «предсказание», который семантически отличается от русской лексемы, но является доступным для понимания португалоязычному читателю перевода.

Особый интерес с позиции исследования перевода представляют *реалии мира природы*, передача которых в некоторых случаях ведет к неверной интерпретации оригинала. К таким реалиям относится лексема *заря*, обозначающая растение — «любисток», которое в XIX веке использовалось русскими девушками в качестве ингредиента любовного зелья.

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод А. Нету и Е. Васиной</i>
Умильно на пучок <i>заря</i> Они роняли слезки три;	Dia de Graça aguavam <i>flores</i> Com um par de lágrimas suas dores...	Por sobre <i>bétulas</i> pungentes Vertia uns dois ou três filetes;

Дариу Алвес передает значение реалии гипонимом *flores* — «цветы», нейтрализуя частное значение русской лексемы и ее национально-культурную окраску. В переводе Алипио Нету и Елены Васиной слову *заря* соответствует португальское *bétula*, которое, однако, обозначает не растение, а дерево — «березу». Такой выбор соответствия представляется спорным, поскольку ни семантическое значение русской лексемы, ни ее национально-культурная специфика не передаются в португальском переводе. Возможно сделать предположение, что авторы перевода привели лексему *bétula* в качестве соответствия русской реалии по причине того, что толковые португальские и русско-португальские словари не фиксируют значение (или перевод) лексемы *заря* [21; 22], что говорит о том, что данное растение скорее всего незнакомо португалоязычному читателю перевода.

Перевод реалии *жучка*, также относящейся к категории живой природы, как и в случае, рассмотренном выше, может стать причиной неверной интерпретации произведения реципиентом перевода.

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод Д. Алвеса</i>	<i>Перевод А. Нету и Е. Васиной</i>
Вот бегаёт дворовый мальчик, В салазки <i>жучку</i> посадив	Jovem da casa passa ao lado, Como um corcel, puxa o trenó, Nele se senta o seu <i>totó</i>	Um jardineiro corre em um trenó plantando um <i>totó</i>

Авторы обоих переводов приводят в качестве соответствия слову *жучка* лексему *totó* — щенок. Однако русское слово «жучка» не указывает на возраст животного, а отсылает к распространенной кличке собаки, перешедшей из разряда имен собственных в разряд нарицательных. Более удачным решением, как представляется, было бы подобрать аналогичную распространенную кличку собаки в португальском языке.

В заключение отметим, что именно лексическая подсистема языка, по мнению исследователей, в большей степени способна к отражению культуры народа-носителя [23: 32; 24]. В художественном переводе маркерами культурного кода в тексте оригинала выступают реалии – национально или исторически окрашенные лексические единицы, не имеющие прямых соответствий в других языках и, следовательно, представляющие переводческую трудность. Сопоставительный анализ двух переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на португальский язык позволяет утверждать, что в русско-португальском художественном переводе проблема передачи реалий получает разные решения (выбор адаптации или отчуждения в качестве ведущей стратегии), приводящие к двум противоположным эффектам – форенизации и «перенационализации».

Заключение

Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» переведен на многие языки. Он любим и востребован читателями по всему миру. У португалоязычных читателей возможность приобщиться к шедевру русской литературы, открыть для себя «энциклопедию русской жизни» и познать великую русскую культуру появилась только во втором десятилетии XXI века, когда мировая практика перевода накопила серьезный опыт работы с «Евгением Онегиным». Тем не менее, несмотря на многочисленные труды литературоведов, критиков, культурологов, теоретиков перевода, вопросы передачи при переводе национально окрашенной лексики, транслирующей русский культурный код, до сих пор не получили однозначного решения и попадают в фокус исследовательского внимания с выходом каждой новой переводной версии.

В настоящей работе предпринята попытка сравнить недавно увидевшие свет переводы «Евгения Онегина» на португальский язык, адресованные в первую очередь бразильскому читателю. Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что при работе с культурно маркированной лексикой

переводчики прибегали к разным стратегиям, каждая из которых обладает определенными преимуществами, однако не лишена и недостатков. Выбор наиболее удачной, продуктивной и жизнеспособной стратегии трансляции культурного кода в русско-бразильской межкультурной коммуникации на настоящий момент только еще предстоит сделать бразильскому читателю.

Список литературы

1. Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданова К.С., Лягушкина Н.В., Яременко В.И. *Грамматические аспекты перевода*. М.: Академия, 2012.
2. Склизкова А.П. Перевод «ключевых слов» текста: к проблеме понимания драмы Г. Гауптмана «праздник примирения». *Studia Litterarum*. 2019;4(2):30–43. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-30-43.
3. Марковина И.Ю. Перевод как этнопсихолингвистический феномен. *Вопросы психолингвистики*. 2011;14:48-51.
4. Оболенская Ю.Л. *Художественный перевод и межкультурная коммуникация*. М.: Высшая школа, 2006.
5. Разлогова Е.Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода. *Вопросы языкознания*. 2017;4:52-73. DOI:10.31857/S0373658X0001021-2.
6. Найденова Н.С., Лабко В.А. Художественный текст как палимпсест: трудности перевода (на примере перевода повести Н.С. Лескова «Полунощники» на английский и французский языки). *Сибирский филологический журнал*. 2018;2:264-276. DOI: 10.17223/18137083/63/23.
7. Старцева Т.В. Прагматика ирландской эмигрантской баллады в свете проблемы национальной идентичности. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Язык и литература. 2019;16(4):599–617.
8. Влахов С.И., Флорин С.П. *Непереводимое в переводе*. М.: Валент, 2009.
9. Информационный портал фонда «Русский мир». Доступно по: <https://ruskiymir.ru/>. Ссылка активна на 21.09.2020.
10. Catford J.C. *A Linguistic theory of translation*. London: Oxford University Press; 1974.
11. Тарева Е.Г. *Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания*. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности. Под ред. Л.Г. Викуловой, Е.Г. Таревой. М.: НЕОЛИТ, 2017:17-44.
12. Эко У. *Сказать почти то же самое: Опыты о переводе*. СПб.: Symposium, 2006.
13. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии. *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013;1:7-13.
14. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. М.: Флинта: Наука, 2003.
15. Виноградов В.С. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
16. Латышев Л.К. *Технология перевода*. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
17. Легурска П. О передаче слов-реалий при переводе художественного текста. *Чуждоезиковое обучение*, 2015; 42(2): 207-215.
18. Куликова Е.Ю., Лабко В.А. Стратегии передачи прецедентных феноменов и реалий религиозного дискурса: на примере переводов романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» на английский и французский языки. *Вестник Томского государственного университета*. Филология, 2019;59:169-184.
19. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London and N. Y.: Routledge; 1995.
20. Тороп П. *Тотальный перевод*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.
21. Феерштейн Е.Н. *Большой португальско-русский словарь*. М.: Живой язык, 2005.
22. Michaelis Dicionário Brasileiro da Língua Portuguesa. Доступно по: <http://michaelis.uol.com.br>. Ссылка активна на 21.09.2020.
23. Тимашева О.В. *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. М.: Университет РАО, 2014.
24. Токарев Г. Культурный облик слова: о составляющих лингвокультурного уровня. *Чуждоезиковое обучение*. 2018;45(6):612-624.

References

1. Souleimanova OA., Beklemesheva NN., Kardanova KS., Lyagushkina NV., Jaremenko VI. *Grammatical aspects of translation*. M.: Akademiya, 2012. (In Russ.).
2. Sklizkova AP. Translation of the Keywords: Hauptman's Drama The Holiday of Reconciliation and its Russian Version. *Studia Litterarum*, 2019;4(2):30–43. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-30-43. (In Russ.).
3. Markovina IY. Translation as an ethnopsycholinguistic phenomenon. *Journal of Psycholinguistics*, 2011;14:48-51. (In Russ.).
4. Obolenskaya YL. *Literary Translation and Intercultural Communication*. M.: High school publishing, 2006. (In Russ.).
5. Razlogova EE. Standard and non-standard versions of translation. *Questions of linguistics*, 2017;4:52-73. DOI: 10.31857/S0373658X0001021-2. (In Russ.).
6. Naydenova NS., Labko VA. Literary text as palimpsest: translation difficulties (translation of «Night Owls» by Leskov into English and French). *Siberian Journal of Philology*, 2018;2:264-276. DOI: 10.17223 / 18137083/63/23. (In Russ.).
7. Startseva TV. Pragmatics of Irish emigrant ballads in light of the national identity problem. *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*. 2019;16(4):599-617. (In Russ.).
8. Vlahov SI., Florin SP. *Untranslatable in Translation*. M.: Valent, 2009. (In Russ.).
9. Data portal "Russkiy Mir". Available at: <https://ruskiymir.ru/>. Accessed September 21, 2020.
10. Catford JC. *A Linguistic theory of translation*. London: Oxford University Press; 1974.
11. Tareva EG. *Intercultural approach in the paradigm system of modern socio-humanitarian knowledge*. Dialogue of cultures. Culture of Dialogue: Man and New Socio-Humanitarian Values. Ed. by Vikulova LG., Tareva EG. M.: NEOLIT, 2017:17-44. (In Russ.)
12. Eco U. *Saying almost the same thing. Experiments on translation*. St. Petersburg: Symposium, 2006.
13. Kretov AA., Fenenko NA. Linguistic theory of realia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2013;1:7-13. (In Russ.).
14. Nelyubin LL. *Explanatory Translation Dictionary*. 3d ed., revised. M.: Flint: Nauka, 2003. (In Russ.).
15. Vinogradov VS. *Introduction to translation studies (general and lexical questions)*. M.: Pub. In-ta obsh. i sred. obrazovaniya RAO, 2001. (In Russ.)
16. Latyshev LK. *Technology of Translation*. For Institutes and Faculties of Foreign Languages. Textbook. M.: Publishing Center "Academy", 2008. (In Russ.).
17. Legurska P. Transfer of words-realial in translation of belles-letters. *Foreign Language Teaching*, 2015;42(2):207-215. (In Russ.).
18. Kulikova EYu., Labko VA. Strategies of Rendering Cultural References and Realial of Religious Discourse: A Case Study of the Translations of The Cathedral Clergy by Nikolay Leskov into English and French. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2019;59:169–184. (In Russ.).
19. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London and N. Y.: Routledge; 1995.
20. Torop P. *Total translation*. Tartu: Tartu university publishing; 1995 (In Russ.).
21. Feershtein EN. *Comprehensive Portuguese-Russian Dictionary*. EN. Feerstein, SM. Elder. Moscow: Living Language, 2005.
22. Michaelis Dicionário Brasileiro da Língua Portuguesa. Available at: <http://michaelis.uol.com.br>. Accessed September 21, 2020.
23. Timasheva OV. *Introduction to the theory of intercultural communication*. Moscow: RAO University, 2014.
24. Tokarev G. The cultural face of the word: about the components of the linguocultural level. *Foreign Language Teaching*, 2018;45(6):612-624. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Данилова Василиса Андреевна, соискатель кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, кафедра языкознания и переводоведения, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: vasilisa.danilovatpp@mail.ru

Адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

Тивьяева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, кафедра языкознания и переводоведения, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: tivyayeva@yandex.ru

Адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1. ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

Bionote:

Vasilisa A. Danilova, postgraduate student, Moscow City University, Department of Linguistics and Translation Studies; Moscow, Russian Federation.

E-mail: vasilisa.danilovatpp@mail.ru

Address: 129226, Moscow, 2nd Sel'skokhozyajstvennyj proezd, 4-1, Moscow City University.

Irina V. Tivyayeva, Doctor of Philology, Moscow City University, Department of Linguistics and Translation Studies, Professor; Moscow, Russian Federation.

E-mail: tivyayeva@yandex.ru

Address: 129226, Moscow, 2nd Sel'skokhozyajstvennyj proezd, 4-1, Moscow City University.